

ПОСЛЕСЛОВИЕ...

ЦИРК... В той стране-сказке всем легко и весело. Люди там летают. Да, летают мягко и невесомо, как во сне. Там — добрые чудесники, у которых есть шапка-невидимка, и палочка волшебная... Даже дикие зверя там добрые и послушные. Был король в этой стране. Один из многих королей. Не был он похож на обычных людей и одеждой своей, и видом своим. Прислушайтесь — это стучит его большое и доброе сердце...

ПЯТНАДЦАТЬ лет назад выходил на арену цирка парень в рабочем полукombineзоне на помочах, в полбаскетной маечке-коротко-рукавке. Он был находчив, весел, ловок, и...немного грусоват. И, удивительное дело, — попадал он в смешные ситуации, но выносил из них и дарил зрителям что-то другое — тут была и грустинка, и лирика, и раздумья.

Восторженно принимали его повсюду. Почему герой Леонида Григорьевича пользовался таким успехом? Полтора года назад мы долго разговаривали с ним об этом. И вот его нет. А магнитофонная запись беседы сохранилась...

— Герой, которого я играю в цирке (кстати, по профессии я еще и сценарист, автор своих интермедий) создавался, в общем-то, за письменным столом, совместно с моим режиссером Юрием Беловым. Черты этого героя сложились буквально на бумаге. Мы соединили его, как маленькие дети складывают рисунки на кубиках. Но, выйдя на манеж, он ожил. Схема, созданная на бумаге, получила жизнь и продолжает жить на протяжении многих лет. Что же представляет собой этот герой?

На мой взгляд, его «прародителями» являются такие персонажи, как Дон-Кихот. Те качества, которые у героя Сервантеса мне близки и дороги, мы постарались передать и нашему герою. Это черты, которые вечны и будут существовать. Существовали до меня, будут и после меня...

СПРОСИТЕ любого циркового артиста, и он вам ответит, что в цирке самый трудный жанр — клоунада. Очень легко быть плохим клоуном с затасканным репертуаром, со стандартным набором реприз. А вот хороший клоун должен уметь делать все, что делают в цирке, — жонглировать, летать под куполом, балансировать на проволоке... Леонид Григорьевич в свои тридцать семь владел цирковыми жанрами настолько, что постоянно открывал что-то новое в «чужой» области. Взять, хотя бы, уникальный номер, исполнить который мечтают многие гимнасты мира. Японские гимнасты называли этот номер «бланшем Енгибарова». Я спросил тогда Леонида Григорьевича об этом «бланше», а он, пряча готовую вырваться улыбку, объяснил, что делается это очень просто.

Нужно всего лишь сделать стойку на руках, потом опустить тело параллельно земле, потом одну руку отпустить и...стоять на руке. Видите, как просто!

Неутолимая жажда нового заставляла Енгибарова все-таки заниматься пантомимой, сниматься в кинофильмах, много писать...

— Фильм «2-Леонид-2» первый мой опыт, как сценариста, в «большом» кинематографе. Ставил эту картину режиссер Левон Исаян, с которым нас связывает тесная дружба — он мой наставник в кинематографе, потому что снимал и «Путь на арену». Сейчас я снялся вообще в тридцати картинах, считая короткометражные фильмы, телевизионные. Какой из них принес мне больше удовлетворения? Малюсенькая роль в «Тенях забытых предков».

МНОГООБРАЗИЕ увлечений — или одна цель в жизни? Вначале это было одной целью. Для главного его амбула пригодилось все — и акробатика, и умение водить автомашину, мотоцикл — практически все, что движется на колесах. Падал, разбивался, начинал снова... И все это — для арены, для смешного человека Ленки, который как-то незаметно стал неотделимым от цирка. Так было вначале. Потом все сильнее и сильнее говорили новые интересы. Увлечение пантомимой, успех на эстраде.

Страницы жизни Гаспара Дебурро, великого мима Франции, изучаются вдолг и попереки. Анатомия, пластика. Как телом передавать чувство? Дебурро мог. На могиле его написано: «Здесь лежит человек, который мог сказать все, не говоря ничего».

Все сильнее овладевало Енгибаровым желание померяться силами с лучшими клоунами мира. Это не было самоуверенностью. Это было уверенностью в себе, в своих силах.

— Из конкурсов, в которых мне приходилось участвовать, я особенно помню два. На конкурсе клоунады в 1965 году, в Праге, я получил Гран-при — первую премию, золотую медаль и кубок имени Эдуарда Басса. Участвовали в том конкурсе артисты из 17 стран.

В 1966 году участвовал в другом конкурсе — пантомимы. Тут было серьезнее... Пантомима пользуется не то чтобы большей популярностью, просто много людей посвятили себя этому искусству. В конкурсе принимали участие артисты из 35 стран, он был широко освещен прессой. И вот этот конкурс я выиграл. И кубок, который хранится у меня, мне особенно дорог. Кубок лучшего мима Европы 1966 года.

ТАК пришла международная известность. Пришла слава. Одно имя Леонида Енгибарова обещало директорам цирков и сборы, и полный успех программы. Но сам он спокойно относился к этому. Достигнуто, правда, многое, но...

Вот он без грима, в спортивном костюме, расхаживает по манежу. Что-то не клеится. Отрабатывается, наверное, в тысячный раз номер с велосипедом, разваливающимся на составные части. Прогон, еще прогон...

Енгибаров оттачивал номер. Отбор у него был строгим. Как только по реакции зала он чувствовал, что реприза идет хуже, чем раньше, — она тут же изымалась из программы.

Ах, как хотелось ему, когда мастерство его было уже на уровне остроты бритвы, снова вступить в соревнование с признанными цирковыми авторитетами! Но таких конкурсов долго не было, и того, что называют большим зарубежным турне, — тоже не было... И потому — прогон, еще прогон. И потому — вечера за письменным столом с режиссером. И потому — концертно-эстрадная программа, которую подготовил Енгибаров. В арсенал лучшего клоуна и мима Европы откладывались новые виды оружия. И один из них — литература.

— Вначале я писал только сценарии реприз, пантомим, интермедий для цирка, для эстрады. Была написана моя эстрадная программа, много я написал известному сейчас уже клоуну, моему ученику Вилену Меленджану и другим артистам. Однажды, просматривая свои черновики, я обратил внимание на то, что репризы написаны в форме коротких новелл. Некоторые из них мне показались интересными. В 1966 году я впервые был напечатан. Произошло это в Туле. Через некоторое время новеллы перепечатали в Чехословакии. Печатался в журналах «Дон», «Волга», «Москва», «Ангара», «Урал», «Цирк и эстрада»... Названия из самых разных концов Советского Союза — это, по-моему, естественно, потому что такова «география» моих гастролей. И все вместе вскоре выходит отдельным сборником...

ВОТ так мы беседовали полтора года назад. А цирк между тем опустел, погасил огни и отдавал потихоньку свое тепло ночи. Тишина. Только высоко над куполом слышен шорох: вылетают из цирка сказки. Они прилетят к вам, в ваши сны о царстве чудес, где все возможно, где люди летают легко и мягко, где дикие звери добрые и послушные, а король — Ленка первый — обходит свои владения...

И вы улыбнетесь во сне.

А. ВАСИЛЕНКО.